

18+

Максим Эм

Землю

Максим Эм

Эскимо

«Издательские решения»

Эм М.

Эскимо / М. Эм — «Издательские решения»,

Палата №320. Три койки, старый телевизор, который никогда не включают, и одна общая ненависть к уколам. Артём, Пашка и Лиза проводят долгие месяцы в больнице. У каждого своя болезнь и свои страхи, но вместе они находят способ делать серые будни светлее. Однако поход в заброшенный корпус, где по ночам слышен странный смех и мерцает загадочный свет, становится для ребят началом приключения, которое перевернёт их жизнь.

© Эм М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эскимо

Максим Эм

© Максим Эм, 2026

ISBN 978-5-0070-9290-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В палате №320 было три койки, один старый телевизор, который никогда не включали, и одна общая ненависть к уколам. Одна из самых страшных вещей, которые может увидеть ребёнок в детстве (да и взрослый тоже), — это шприц, из которого струйкой вылетает наверняка горькое лекарство. А уж когда этот шприц с тоненькой иглой начинают подносить к нежной коже неокрепшего и ещё не познавшего всей сущности бытия организма, тут даже, не зная никаких молитв и религий, начинаешь поневоле верить во что-то.

Так вот, на двух из трёх коек в палате расположились Артём и Пашка. Третья пустовала, хотя иногда на неё мог с лёгкостью и со всей важностью присесть Игорь Витальевич, заведующий отделением в больнице №9 — или, как её называют обитатели, «девятка», а другие зовут просто приютом для детишек, которые не такие, как все. Иногда на этой кровати от нечего делать двое мальчишек могли прыгать по очереди, но такая забава продолжалась недолго, ибо грузная, но улыбчивая старшая медсестра любила вмешиваться в процесс, грозя пальцем ребятам за то, что от них шум расходится на весь коридор. Сегодня эта койка простаивала.

Из-за жары и лени Артём с Пашкой лежали на своих местах, уткнувшись в портативные приставки, которые им подарили в новогоднюю ночь 2005 года. Тогда к ним в отделение пришёл ряженный и очень весёлый дядя Ваня, служивший охранником всего заведения. Он сыграл Деда Мороза так, что после этого ребята перестали верить в его существование, ибо алкогольный запах выдавал дядю Ваню с головой. Но это всего лишь маленькая неудобная деталь, потому что подарки перекрыли все огрехи образа. Вот сейчас на всю палату разносятся шумные звуки ударов и выстрелов из дешёвых динамиков приставок. Артём приподнимается, кряхтя, с места и поднимает согнутые в локтях руки вверх.

— А я могу полностью, смотри, — угрюмо сказал Пашка и поднял свои худые руки во всю длину. Он так решил подколоть Артёма за очередной проигрыш в игре.

— Научись проигрывать с честью, дружок, — ответил Артём, слегка улыбаясь и ни на капельку не обидевшись на Пашку.

И, возможно, этот диалог перерос бы в полемику, но тут скрипучая бело-жёлтая дверь палаты распахивается, и входит худощавая Лиза, как всегда, в медицинской маске на лице.

— Всё играете? — звонким голосом спросила она, глядя на ребят. — Уже обед вообще-то, а вы валяетесь целый день. Меня уже с утра врач посмотрел, я успела почитать «Робинзона Крузо» и даже порешать математику. Конечно, немного бабушка помогла...

— Ой, да тише ты! — воскликнул Пашка, кинув недовольный взгляд исподлобья на девятилетнюю девочку. — Сейчас каникулы, мы отдыхаем. Я вот из-за тебя опять продул. Всё мне надоело. — Мальчик отбросил серую маленькую коробочку, называемую портативной приставкой, на другой конец кровати и приподнялся, аккуратно и с трудом выпрямляя левую ногу.

— Опять болит? — поинтересовалась Лиза.

— Затекла просто, — отрезал Пашка.

— Болит, и ещё как. Он с утра только жаловался Игорю Витальевичу при осмотре, — ссызвил Артёмка, аккуратно отложив приставку.

— И чего? У тебя вообще всё болит! — щёки Пашки налились краской.

— Перестаньте вы друг на друга ругаться, как маленькие. Вам уже по десять лет. Вы должны подавать пример, я младше вас, но зато умею себя вести.

От нравоучений Лизы Пашка закатил глаза и схватил с серой прикроватной тумбочки красную кружку с апельсиновым соком.

— Ладно, рассказывай, чего нового у тебя? — проговорил Пашка, сделав тяжёлый выдох.

Лиза тихо хихикнула, бросила взгляд сначала на Артёма, а потом на Пашку, прыгнула на третью койку, и та ужасно неприятно скрипнула.

— Мне сегодня приснился странный сон. Кошмар вообще. Аж до сих пор помню его. Там было наше отделение и коридор, где мы обычно входим, там бахилы надевают. Ну и, в общем, снится, что там стоит бабка какая-то...

— Так это ж твоя бабка и стояла! Аха-ха-ха! — загремел хохотом Пашка.

— Дурак? — Лиза бросила недовольный взгляд на мальчика.

— Ну дальше что? — с нетерпением произнёс Артём.

— Ну и стоит эта бабка такая страшная и не может к нам в отделение пройти через эту дверь, а потом всё чернеть вокруг начинает. Я испугалась во сне и побежала до самой последней палаты, какой-то фонарик нашла, включила его, а он оказался таким ярким, что ослепил меня, и я резко проснулась.

— А бабка? — спросил Пашка.

— Какая бабка? Моя или та, что во сне? — ответила вопросом на вопрос Лиза.

— Да обе, — бросил Пашка.

— Моя спала, а та страшная исчезла.

— Ужастиков надо меньше тебе смотреть. И вот твоя бабушка, кстати, столько страшилок любит рассказывать — про то, как раньше жили, или про каких-нибудь бабаек, — Пашка снова опустил на подушку и прикрыл глаза.

— Ну, наверное, из-за этого да, — согласился Артёмка. Он стал вставать с кровати, аккуратно подвинулся на край, свесил ноги и начал их разминать.

— Помочь? — Лиза жалобно посмотрела на мальчика.

— Да нет, сейчас встану, — Артём спустил ноги, вставил маленькие ступни в тапочки и аккуратно распрямился, преодолевая скованность в пояснице.

Вдруг идиллию разорвало громогласное: «ОБЕД!»

— Фу... Опять там вода, типа супа, и рис с противным горошком, — закатил глаза Пашка и сполз с кровати немного ловчее Артёма.

— Зато полезно. Ладно, я пойду в свою палату, потом ещё приду, — пробормотала Лиза и быстрым шагом вышла в коридор, чтобы не пропустить долгожданный обед.

— Давай, — бросил ей вдогонку Артём и схватил красную пластиковую миску с тумбочки, чтобы наложить себе порцию того самого несолёного, но полезного риса.

В этот раз обед выдался не таким уж ужасным. Вместо «воды, типа супа», были ароматные щи, а рис подавался не с горошком, а с сосисками, поэтому Пашка немного и подобрел.

— Знаешь, а мне вот сны не снятся, — сказал Артём и слегка дрожащей рукой поднёс ко рту ложку, сжимая её всеми пальцами.

— А мне вот снилось... — Пашка сделал большой глоток компота из сухофруктов, который также взял на обед. — Снилось, что на лыжах катался и упал. А потом попал в какой-то тоннель и потерялся там. Ну, в общем, полная ерунда. — Мальчик плюхнулся на кровать, и та неприятно заскрипела. Он не спеша вытянул свою ногу и прикрыл глаза. — Ладно, я полежу немного, а потом пойдём с тобой в игровую.

— Лады, — согласился Артём немного задумчиво, глядя в окно, за которым виднелся неухоженный сквер. — Я тоже тогда подремлю немного, пока Лиза не пришла.

Ребята устроились поудобнее и приготовились уже насладиться послеобеденным сном, но случилась неприятность по имени Николай, или просто Колька.

Дверь распахнулась внезапно и без предупреждения. Немного пухлый мальчик с тёмными волосами зашёл и тут же запрыгнул на свободную, ту самую третью койку. Артём и Пашка вздрогнули.

— Всем привет. Чего лежите? — спросил Колька.

— Опять ты припёрся. Чего тебе надо? — Пашка, прищурившись, посмотрел на мальчика.

Надо сказать, что Колька был неплохим, но не очень-то приятным человеком. Поскольку ему уже двенадцать, он чувствовал себя главнее и сильнее остальных.

— Да так я, заглянуть к вам решил. Дадите поиграть в приставку?

— Нет, ты опять её уронишь, — бросил Пашка и отвернулся к стенке.

— Ой, ну заплачь теперь. Если не дадите поиграть, то я вам не скажу, где можно достать очень вкусное и, главное, бесплатное мороженое. Я вот только что съел два пломбира и пойду потом ещё съем.

— Так тебе же нельзя мороженое есть. Оно ведь сладкое, — Артём аккуратно привстал, облокотившись затылком о жёлтую стену.

— А это мороженое мне можно. Ну... дадите поиграть?

— Не-а. Иди давай домой, — Пашка отмахнулся и продолжил лежать с закрытыми глазами.

— Ну как знаете. Мороженое очень вкусное. И самое главное, что оно находится в секретной комнате прямо в больнице. Мой дед сказал, что такое мороженое раньше было в СССР, — Колька хитро улыбнулся. Он даже ещё не совсем в этом возрасте понимал, что такое СССР, но действительно много слышал о нём от своего деда.

— Всё равно не дадим, сами найдём твоё мороженое, — Артёмка смотрел на мальчика с презрением, он видел его, как говорится, насквозь.

— Ой... Ладно. Скучные вы сегодня какие-то. Пойду я тогда. Через пару дней вернусь, — мальчик вскочил с койки и вышел из палаты так же резво, как и зашёл.

— Достал уже... — фыркнул Пашка.

— Да ладно тебе. А ты, кстати, думаешь, он врал про мороженое? — Артём озадачился на минуту.

— Конечно! Он всегда нас обманывает, ремня бы ему. Всё, я спать.

— Спи-спи, а я пойду схожу к Лизке, расскажу ей про мороженое.

Артём сполз со скрипучей кровати и, прихрамывая, вышел из палаты в длинный белый коридор отделения, где неприятно пахло чем-то необъяснимым.

Глава 2

Лиза в это время как раз доедала борщ в своей палате, облизнув розовую пластиковую тарелку, она поставила её на тумбочку и посмотрела в сторону двери, а потом быстро нацепила на лицо медицинскую маску, потому что без неё она чувствовала себя голой и незащищённой, даже если рядом были только свои. На соседней койке лежала семидесятилетняя Зинаида Ивановна, одетая в тёмный балахон, будто готовясь к трауру, и этот балахон был таким старым и выцветшим, что невозможно было понять, какого он был цвета изначально — чёрного или тёмно-синего, или, может быть, даже бордового, но время и бесконечные стирки сделали своё дело, превратив его во что-то бесформенное и печальное. Артём кивнул пенсионерке приветливо, но та только бросила на него угрюмый взгляд и отвернулась к стенке, и в этом взгляде было столько усталости и какой-то давней, привычной горечи, что мальчику стало не по себе, хотя он уже привык к её вечно недовольному виду.

— Чего случилось? Я же сказала, что сама приду, — девочка вопросительно посмотрела на Артёма, и её глаза из-под маски были такими живыми и блестящими, что мальчик на секунду забыл, зачем вообще пришёл.

— Да Колька приходил. Фигню нёс какую-то про мороженое.

— Какое такое мороженое? — Лиза откинулась на подушку и сложила руки на груди, и было видно, что она заинтересовалась, хотя старалась этого не показывать, потому что считала себя слишком взрослой для всяких глупых историй про секретные сладости.

— Не знаю, он сказал, что съел два вкусных мороженых за бесплатно. Говорит, что достал в какой-то секретной комнате в больнице.

— И ты поверил? — Лиза прилегла после плотного обеда, и её веки стали тяжёлыми, потому что борщ был сытным, а в палате было тепло и тихо, и клонило в сон, но она боролась изо всех сил, потому что разговор был интересным.

Артём сделал несколько шагов к Лизиней кровати и присел на край койки, и в тот же момент раздался неприятный треск — старые пружины жалобно скрипнули под его весом, и мальчик на секунду замер, боясь, что койка не выдержит и развалится прямо под ним, но ничего не случилось, только Зинаида Ивановна недовольно заворочалась на своей кровати и что-то пробурчала себе под нос.

— Ты смотри не зарази её ничем. Ей болеть нельзя, — раздался старческий, скрипучий голос Зинаиды Ивановны, и он был таким неприятным, будто кто-то водил пенопластом по стеклу, и от этого звука хотелось зажать уши и закрыть глаза, но Артём сдержался и только кивнул, хотя старушка всё равно не видела его кивка, потому что лежала лицом к стене.

— Ну ба! — воскликнула Лиза, и в голосе её слышалось и раздражение, и какая-то детская беспомощность, потому что бабушка вечно лезла не в своё дело, даже когда её никто не просил. — Ладно, что там с мороженым и Колей? — девочка перевела взгляд на Артёма, и глаза её снова стали внимательными и серьёзными.

— Короче, он сказал, что где-то надыбал его в больнице, а по вкусу будто из СССР. Хотя я не знаю, что это значит.

— А-а-а, нет такого мороженого, как в Союзе, — снова подала голос Зинаида Ивановна, и на этот раз она даже приподнялась на кровати и села, поправив свой бесформенный балахон. — Не делают сейчас, везде одна химия, вот вы и болеете. Да, раньше был очень вкусный и натуральный пломбир. А потом всё развалилось, производства тоже рухнули, и осталась одна отравка, а не еда.

— Ну ба! Хватит опять бубнить, — Лиза прервала свою бабушку, потому что знала, что истории про Советский Союз затянутся на часы, и тогда они точно никуда не пойдут, и мороженое останется несъеденным.

— Чего «ба»? Слушали бы старших, а то ещё совсем в головах ничего нет, одни игры да глупости, — старушка говорила и говорила, и голос её становился всё громче и противнее, а слова лились непрерывным потоком, будто она никак не могла остановиться. — Если и есть такое мороженое, то дорогое. Сейчас всё дорого стало, хоть и много всего. Я мороженое попробовала только уже после войны, когда лет семнадцать, наверное, было, и то не сразу, а когда уже работать начала и свои деньги появились. А вы, сопляки, ничего не цените, вам всё подавай...

— Ну ладно, мы поняли, бабушка. Пусть Артём дорасскажет, — Лиза состроила грустную гримасу, точнее, это глаза у неё стали грустными, потому что улыбки под маской видно не было.

— Ну вот, Пашка точно не поверил... А я подумал, что, может, не врёт Колька, — Артём говорил тихо, потому что боялся, что Зинаида Ивановна опять влезет в разговор, но старушка на удивление замолчала и только смотрела в окно мутными, выцветшими глазами. — Можем вечером сходим проверим? На первом этаже киоск есть, там, наверное, продают это мороженое, или он просто его своровал.

— Можно сходить, только давайте не совсем вечером, чтобы ужин не пропустить, — Лиза зевнула и прикрыла рот ладошкой, хотя маска и так всё закрывала, но привычка осталась. — Через пару часов я буду готова.

— Опять будешь сразу собирать, а потом что делать с тобой будем? — проворчала старушка, но в голосе её уже не было прежней злости, только какая-то усталая, привычная ворчливость, которая, наверное, была единственным способом общения с окружающим миром.

— Да не заболею я, — Лиза махнула рукой, и в этом жесте было что-то взрослое, даже усталое, будто она уже сто раз слышала эти предупреждения и сто раз их игнорировала. — Спи лучше, ба, я к ужину вернусь. Всё нормально будет.

Зинаида Ивановна ничего не ответила, а только отмахнулась и легла обратно, и в этом жесте было что-то безнадежное, будто она умывала руки, как, бывает, говорят про Понтия Пилата, который не хотел брать на себя ответственность и просто отстранился от всего.

— Ладно, тогда зайдёшь к нам, — сказал Артём, поднимаясь с койки, которая противно скрипнула в последний раз и наконец-то затихла. — Я пойду пока посплю, а то Пашка, наверное, уже всю дрыхнет.

На этом ребята разошлись. Артём, прихрамывая и не спеша передвигая ноги, покинул палату с жёлтыми стенами и душным, спёртым воздухом, в котором пахло лекарствами, старостью и ещё чем-то сладковато-приторным, что он никак не мог определить, но что преследовало его всюду, стоило только зайти в это отделение. Пашка же, действительно, спал, и сон его был таким крепким, что он никак не отреагировал на скрипучую койку, когда на неё укладывался Артём, не на его кряхтение и возню, когда тот пытался улечься поудобнее, даже не на то, как скрипнули пружины в последний раз, издав такой жалобный звук, будто им было больно. Через десять минут в палате №320 воцарилась тишина, и только слышно было, как за окном шумят редкие машины и где-то далеко лает собака, и Артём провалился в сон, даже не заметив, как это случилось.

Сон был странный и смазанный, как старая фотография, на которой ничего нельзя разобрать. Сначала Артём увидел чистое поле, бескрайнее и какое-то слишком зелёное, и впереди возвышались пышные ели, такие высокие, что их верхушки уходили прямо в небо, и от этого зрелища захватывало дух, хотя аромата травы и хвои мальчик, к сожалению, чувствовать во сне не мог, и это было обидно, потому что он любил запах леса, особенно после дождя. Дополняло эту картину тяжёлые тучи, которые полностью закрыли небо, и от этого становилось тревожно и пустынно, будто весь мир опустел, и Артём остался один на один с этим полем и этими елями. Артёмка шёл среди травы и всё дальше заходил вглубь, и вот идёт он, идёт, а трава становится всё выше и выше, и мальчик уже по горло в ней, и она колет лицо и руки, и невозможно понять, куда идти и где выход. Сердце стучит и стучит, а паника чудовищная и невыносимая, и хочется

закричать, но голоса нет, будто кто-то украл его и спрятал далеко-далеко, и никогда не отдаст обратно. А ведь это только сон, и Артём знал это, но страх был настоящим. «Сон», — подумал Артёмка и решил открыть глаза, но когда пришло осознание, что надо просыпаться, тут же раздался звонкий девчачий голос, такой знакомый, но такой далёкий, будто звал его откуда-то из другого мира, из-за очень толстой стены, которую невозможно пробить.

Глаза Артёма открылись, и перед ним уже стояла Лиза, её большие глаза таращились на заспанного мальчика, и было в этом взгляде что-то беспокойное, даже испуганное, будто она ждала, что он не проснётся.

— Она уже минут пять так стоит, — бросил Пашка, сползая с койки и натягивая на босые ноги больничные тапочки, которые были ему великоваты и смешно шлёпали по полу, когда он ходил.

— Ты какой-то испуганный. Кошмар приснился? — спросила девочка, и голос у неё был мягкий и заботливый, совсем не такой, каким она командовала и ругалась.

Артём ничего не ответил, только кивнул.

— Не знаю, куда вы там собрались идти, но мне не хочется, тем более скоро ужин, — Пашка говорил бодро, но было видно, что он тоже устал и хочет просто лечь и ничего не делать. — Я, конечно, схожу с вами, потому что мне скучно, но если мороженого не найдём, то я буду вас неделю звать «дурачками». — Он хихикнул и ловко закинул в рот маленькую белую таблетку, запив её водой из пластмассовой кружки, и лицо его скривилось, потому что таблетка была горькой, а вода — тёплой и противной на вкус.

Лиза закатила глаза и шлепнулась на свободную койку, и та снова жалобно скрипнула, но на этот раз никто не обратил на это внимания.

— Чего ты такой всегда злой? Моя бабушка говорит...

— Ой, ладно, не надо опять про бабушку, — перебил её Пашка, и в голосе его прозвучало раздражение, но не настоящее, а скорее наигранное.

— Ладно, я умоюсь и пойдем тогда, — спокойно сказал Артём, надевая больничные тапочки, которые стояли у его кровати, и снова почувствовал, как неприятно ноют пальцы, когда он их сгибает.

Мальчик пошёл в душ, встал перед зеркалом, на котором были старые разводы, оставшиеся ещё с прошлой уборки, и оттуда на него смотрел бледный, веснушчатый парень с короткими рыжеватыми волосами и кругами под глазами, будто он не спал несколько суток, хотя спал он нормально, просто иногда такие круги появляются от лекарств или от того, что организм устал бороться. Он открыл кран, и оттуда потекла слегка желтоватая тёплая вода с запахом хлорки, и Артём умыл свои розовые щёки и поправил короткие рыжеватые волосы, которые после сна торчали в разные стороны, как у взъерошенного воробья. В это время в палате царила тишина, такая густая и неловкая, что казалось, её можно резать ножом. Лиза и Пашка будто не могли осмелиться сказать друг другу пару слов, и оба смотрели в разные стороны, и каждый думал о своём — Пашка, наверное, о своей больной ноге, а Лиза — о том, как бы не заболеть ещё сильнее.

— Я готов, — гордо заявил Артём, вытирая полотенцем мокрый лоб, и в его голосе слышалась какая-то наигранная бодрость, потому что на самом деле он не был готов ни к чему, и уж тем более к тому, что случится потом.

— Отлично, тогда можем идти.

Троица уже вышла из палаты, но тут дорогу им преградил высокий и худощавый мужчина в белом халате, из кармана которого торчал стетоскоп и ещё какие-то бумажки. Ребята подняли глаза вверх, чтобы увидеть лицо врача, и это оказался никто иной, как Игорь Витальевич, собственной персоной, с его вечно хмурым лицом и очками в тонкой оправе, которые вечно сползали на кончик носа. Лица ребят скривились в удивлении, потому что воскресным

вечером они меньше всего ожидали встретить заведующего отделением, который, казалось бы, должен был сидеть дома, пить чай с печеньем и смотреть телевизор, как все нормальные люди.

— Далеко собрались? — спокойно спросил заведующий, поправляя очки, которые, как назло, снова сползли, и оглядывая ребят поверх стёкол с таким видом, будто он всё про них знал и даже больше, чем они сами.

— Да так, погулять, — без церемоний ответил Паша, скрестив руки на груди и выдержав взгляд врача, хотя это было непросто, потому что у Игоря Витальевича был тяжёлый, пронизывающий взгляд, от которого хотелось спрятаться или хотя бы отвернуться. — А вы чего тут делаете? Вроде же воскресенье.

— Воскресенье... Верно ты подметил, — Игорь Витальевич усмехнулся, и в этой усмешке было что-то усталое, почти грустное. — Если ты намекаешь на то, что я должен сейчас быть дома и отдыхать, то нет. Сегодня я решил поработать, потому что работы много, а желающих её делать мало. — Он перевёл взгляд на Лизу, и лицо его стало чуть мягче, но совсем чуть-чуть, на долю секунды. — Лиза, у тебя завтра процедуры. Кстати, у вас троих завтра процедуры. С утра идёте на кровь, а потом... — врач немного замялся, сунул руку в карман халата и вытащил оттуда три жёлтых листочка, мятых и потрепанных, будто он носил их с собой уже несколько дней. — В общем, тут всё написано.

Ребята взяли бумажки с направлениями на процедуры и переглянулись, и в этом взгляде было всё — и досада, и разочарование, и какая-то обречённость, потому что анализы крови и уколы никто не любил, даже самые смелые и мужественные.

— Опять анализы, опять уколы, — Пашка закатил глаза так выразительно, что это увидели бы даже на другом конце коридора. — Уже и гулять не хочется. Умеете вы, конечно, настроение подпортить, Игорь Витальевич, прямо как специально.

Врач только улыбнулся, поправил очки, в который уже раз за этот короткий разговор, и, ничего не ответив, удалился в сторону ординаторской, оставив после себя запах одеколона и чего-то больничного, стерильного и холодного.

— Чего делать будем? — Артём взглянул на Лизу, и в его взгляде была надежда, что она придумает что-нибудь гениальное, но девочка только пожала плечами и опустила глаза.

— Не знаю...

— Вы как хотите, но я не пойду, — сказал Пашка твёрдо, и в его голосе прозвучала такая решимость, что спорить не хотелось. — Лучше завтра после всех процедур погуляем. И мороженое никуда не денется, если оно вообще существует.

В головах ребят начал происходить сложный умственный процесс, который всем троим выдал одну и ту же мысль: никто из них не хочет сейчас идти искать необыкновенное мороженое, потому что все устали, и погода какая-то не такая, и Игорь Витальевич испортил настроение, и вообще, может быть, Колька всё наврал, как делал это уже много раз, и никакого мороженого нет, а есть только пустая трата времени и сил.

— Ладно, тогда до завтра, — вздыхая, произнесла Лиза, обняла ребят — каждого по очереди — поправила маску, которая съехала набок, и быстро пошла в свою палату, где её ждала бабушка, которая, наверное, уже проснулась и теперь сидела на кровати, глядя в одну точку и перебирая в голове свои старые, давно забытые всеми обиды.

Мальчики плюхнулись на свои койки обратно, и Пашка тут же включил портативную приставку, из которой снова посыпались знакомые звуки выстрелов и взрывов, заполнившие тишину палаты.

— Кайф... Можно дальше лежать и играть, — довольно протянул Пашка, и его лицо, ещё минуту назад хмурое и недовольное, стало почти счастливым, потому что в мире видеоигр ничего не болело и не надо было никуда идти, только нажимать на кнопки и смотреть, как маленькие пиксельные человечки бегут по экрану и стреляют друг в друга.

Артём не поделил всей радости своего друга. Он сидел на кровати, смотрел в окно, за которым темнело вечернее небо, и думал о своём — о странном сне, в котором он тонул в высокой траве и не мог выбраться, и о предстоящих процедурах, и о том, что мороженое, наверное, действительно было выдумкой Кольки, но почему-то от этой мысли становилось не легче, а, наоборот, грустнее и тоскливее, будто он потерял что-то очень важное, даже не успев это найти.

Глава 3

В палату, когда солнце только-только пробивалось сквозь дымные облака и за окном было ещё серо и неуютно, вошла медсестра в белом одеянии и маске на лиц, и по её быстрым, отточенным движениям было понятно, что она работает здесь не первый год и знает своё дело, даже несмотря на молодость. Совсем ещё юная девушка сначала потревожила Артёма, легонько коснувшись его плеча, а затем и Пашку, который спал так крепко, что его пришлось трясти целых полминуты, прежде чем он наконец открыл глаза и непонимающе уставился на медсестру мутным спросонья взглядом.

— Пора на кровь, — сказала она негромко, но в её голосе слышалась такая уверенность и спокойствие, что спорить или отказываться было бесполезно, да и никто и не собирался, потому что все знали — от этих процедур никуда не деться, они назначены, и их надо проходить, хочешь ты этого или нет.

Эта короткая фраза обозначала одно: нужно идти и сдавать анализы, как правило из вены, и ничего приятного в этом не было, потому что иглы, спирт и запах стерильности — это всегда неприятно, даже если ты уже привык и знаешь, что больно будет всего несколько секунд, а потом всё закончится и можно будет идти дальше, но эти несколько секунд растягивались в бесконечность, особенно когда ты сидишь на табурете, сжимаешь кулак и смотришь, как медсестра натягивает резиновый жгут и ищет вену на твоей руке.

Ребята еле-еле распросонившись, даже не умывшись, потому что на умывание не было ни времени, ни желания, поковыляли к процедурному кабинету, шаркая по полу больничными тапочками и позёвывая на ходу, и вид у них был такой сонный и растрёпанный, что любая медсестра, наверное, улыбнулась бы, если бы не знала, сколько работы им предстоит сегодня. Внутри кабинета было прохладно и неестественно светло, а пахло противной стерильностью — смесью спирта, хлорки и ещё чего-то такого, от чего хотелось зажать нос и выбежать вон, но Артём сдержался и только поморщился, переступая порог. Пашка, как настоящий герой, пошёл первым, ни секунды не сомневаясь, и только его чуть побледневшее лицо выдавало, что на самом деле он тоже нервничает, просто научился скрывать свои страхи. Артём же остался стоять за дверью, прислонившись спиной к холодной стене, и ждал своей очереди, и его слегка потрясывало, хотя он старался не думать о том, что сейчас будет, но мысли сами лезли в голову, рисуя одну неприятную картину за другой. Не сказать, что мальчик боялся — нет, он просто испытывал тревожную неприязнь именно к процессу проникновения иглы в вену, к этому короткому, но такому неприятному моменту, когда тонкая стальная игла протыкает кожу и ты чувствуешь, как что-то чужое входит в твоё тело, и ничего не можешь с этим поделать, только сидеть и терпеть, сжимая зубы и надеясь, что всё закончится быстро.

Наконец дверь распахнулась, и Пашка вышел с каменным лицом, даже не взглянув на Артёма, и молча пошёл по коридору в сторону палаты — досыпать остатки сна, потому что он ещё не отошёл от утра и нуждался в тишине и покое, а не в разговорах и расспросах.

Артём вошёл в кабинет, огляделся по сторонам — здесь всё было белым и блестящим, и от этого блеска слезились глаза, — забрался на высокий табурет, положил руку на специальную подушечку и сжал свои тонкие, немного искривлённые пальцы в кулак, и вена тут же надулась, выступив под тонкой кожей синеватой ниточкой. Медсестра брызнула на кожу холодным спиртом, и Артём покривился от неожиданности и от того неприятного ощущения, когда влага попадает на царапины и начинает щипать, хотя никаких царапин, вроде бы, не было, просто кожа стала слишком чувствительной от лекарств.

— Можешь не смотреть, — сказала девушка, и голос у неё был мягкий.

Артём решил воспользоваться советом и отвернулся к стене, на которой висели какие-то таблицы и расписания, и уставился на них, стараясь не думать о том, что происходит с

его рукой. В голове только раздалось короткое «ай», и на этом всё кончилось — спустя всего минуту, которая показалась вечностью, процедура была закончена, и медсестра ловко прижала к месту укола ватку, смоченную спиртом, и велела держать руку согнутой в локте и ни в коем случае не разгибать, пока кровь не остановится окончательно. Мальчик сжал руку и побрёл обратно в палату, стараясь не делать резких движений и не смотреть на ватку. По пути он встретил Лизу, которая шаркала своими тапочками по направлению к процедурному кабинету, и лицо у неё было бледным и каким-то отстранённым, будто она витала где-то далеко и не замечала ничего вокруг. Ребята обмолвились утренним приветствием — коротким и невыразительным — и без лишних слов разошлись, потому что говорить не хотелось, да и не о чем было. Настроение у всех с утра было не праздное и не разговорчивое, а какое-то тягучее и тяжёлое, будто каждый нёс на плечах свой невидимый груз, и этот груз давил тем сильнее, чем ближе подходила осень, хотя на календаре было ещё лето, просто в больнице всегда как-то по-другому, здесь даже погода не имела значения, потому что ты всё равно сидишь в четырёх стенах и смотришь в окно, за которым жизнь проходит мимо тебя.

Ровно в девять утра по коридору разнеслось громкое: «Завтрак!», и это слово, такое привычное и обыденное, всё равно заставило Артёма вздрогнуть, потому что он уже забыл про еду и думал совсем о другом — о Лизе, о её бледном лице.

— Возьми мне попить, кашу не бери, — буркнул Пашка, не отрывая головы от подушки, и голос у него был глухой и сонный, будто он уже снова заснул и разговаривал во сне.

— Там кроме каши и нечего брать, — ответил Артём, уже направившись к выходу с тарелкой и кружкой в руках. — Будешь терпеть до обеда?

— Я до полдника потерплю, — пробормотал Пашка, кутаясь в одеяло, — всё равно мне ещё на УЗИ идти.

Действительно, ведь ещё УЗИ, подумал Артём, и от этой мысли на душе стало ещё тоскливее, потому что УЗИ — это не больно, конечно, но всё равно неприятно, когда тебя водят холодным гелем по животу и просят задержать дыхание или повернуться на бок. Он поставил свою тарелку обратно на тумбочку, взял кружку Пашки и направился на раздачу. В коридоре уже стояла женщина в белой шапочке и таком же белом халате, и она разливала компот из сухофруктов — тёмный, мутный, пахнувший яблоком и черносливом, и Артём заметил, что в его кружку упали даже парочка долек яблок, которые плавали в коричневато-прозрачной жидкости, как маленькие утонувшие кораблики.

— Там каша сегодня рисовая, — сказал Артём, вернувшись в палату и бережно неся наполненные кружки, которые были такими горячими, что пальцы начинали краснеть и печь, но он терпел, потому что нести по две кружки за раз было удобнее, чем ходить туда-сюда два раза.

— Фу... А компот хоть тёплый? — Пашка только начинал просыпаться, и его голос был хриплым и недовольным.

— Кипяток, — ответил Артёмка, поставил кружки на тумбочку и сел на свою кровать, чувствуя, как ноет спина после ночи, проведённой в неудобной позе. — Какая разница, горячий или холодный? Всё равно сейчас пить нам нельзя, потому что сначала УЗИ, а потом уже всё остальное. У тебя во сколько?

— Через двадцать минут, — Пашка сполз с кровати, опираясь на спинку и морщась от боли, которая, видимо, дала о себе знать с самого утра, но он не жаловался, только стиснул зубы и заковылял в ванную, шаркая тапочками. — Я пойду умоюсь и пойду. А у тебя?

— Я сразу после тебя получается, — ответил Артём.

Пока Паша умывался и чистил зубы своей старой, давно не менянной зубной щёткой, щетина которой уже растопырилась в разные стороны и давно требовала замены, Артём искал полотенце, которым нужно будет вытираться после процедуры — чистое, белое, пахнущее порошком и чем-то ещё больничным, неуловимым и чужим. Он перебирал их одно за другим,

откладывая те, которые казались ему слишком тонкими или слишком маленькими, и никак не мог выбрать.

— Кстати, а у Лизы тоже УЗИ сегодня? — спросил Артём, когда Пашка вышел из ванной, вытирая лицо полотенцем, и его щёки покраснели от холодной воды, а волосы торчали в разные стороны, как у воробья после купания в луже.

— Не знаю, я её не видел, — Пашка бросил полотенце на спинку кровати и начал натягивать шорты, которые за ночь сползли куда-то под одеяло, и их пришлось искать, перерывая всю постель. — А что?

— Странно, я её на завтрак не видел, — Артём задумался

— Ну, значит, спит, — огрызнулся Пашка, и в этом «огрызнулся» было не столько раздражение, сколько привычная манера разговаривать, которую он выработал за годы болезни и которая помогала ему скрывать свои настоящие чувства.

Артём задумался ещё сильнее, и мысли его стали тревожными. Лиза никогда не пропускает завтраки, полдни, обеды и ужины, она всегда приходит первой и ждёт, пока нальют компот, и всегда берёт самую маленькую порцию, потому что ей нельзя много есть, но она не жалуется и никого ни о чём не просит. А сегодня её не было, и это было странно и неправильно, и Артём решил, что нужно проверить, может быть, она просто в коридоре, и ей наполняют тарелку той самой пресловутой кашей, которую она так не любит, но всё равно ест, потому что полезно.

— Я подожду тебя в коридоре, — сказал Артём и, преодолевая скованность в ногах, которая по утрам была особенно сильной, вышел за дверь и остановился у стены, прислонившись к ней спиной и чувствуя, как холодная краска проникает сквозь тонкую ткань пижамы.

Оглянувшись по сторонам, мальчик увидел, как в конце коридора та самая медсестра наливает себе чай и берёт бутерброд, но Лизы нигде не было, и это было уже совсем тревожно, потому что если она не пришла на завтрак, значит, наверное, случилось что-то серьёзное. Однако может, он её просто не застал, подумал Артём, может, она пришла раньше и уже ушла, или её забрали на процедуры, или она просто не хотела есть, но в это верилось с трудом, потому что Лиза всегда говорила, что отказ от еды — это путь к ухудшению. Артём погрузился в размышления и чуть не прозевал Пашку, который уже через пару минут вышел из палаты, бодрый и готовый ко всем процедурам, и хлопнул его по плечу, отчего Артём даже подскочил на месте.

— Погнались! Чего стоишь? — Пашка улыбнулся, и улыбка у него была такая заразительная, что Артём на секунду забыл о своих тревогах и улыбнулся в ответ.

Мальчики направились на УЗИ, и по пути им открывался целый мир, который днём выглядел иначе, чем ночью, — здесь было много людей, много суеты, много белых халатов и тревожных лиц, и всё это вместе взятое создавало ту самую больничную атмосферу, от которой хотелось или убежать куда-нибудь далеко, или закрыть глаза и не видеть ничего. Не сказать, что на это хотелось бы смотреть каждый день, но выбора у ребят не было — они жили здесь, и этот мир был для них единственным, по крайней мере на ближайшее время. Шагая по длинному светлому коридору, они встретили на пути каталку, которую везли двое уставших докторов, а на каталке лежала девочка с приоткрытыми глазами, и она будто только проснулась — сонная, незащищённая, с капельницей в руке и пластырем на щеке. Пашка не стал заострять на этом внимания, прошёл мимо, даже не взглянув, потому что он видел такое каждый день и привык, а вот Артём почувствовал, как что-то внутри него перевернулось, сжалось и заняло.

Дальше светлый коридор потихоньку угасал, стены становились всё темнее и мрачнее, и ребята начали пробираться сквозь толпы взрослых, которые сопровождали своих измученных детей на процедуры, и в этой толпе было шумно и тесно.

— Какой кабинет? — запыхавшись, спросил Артём, потому что идти с больными ногами было трудно, и каждый шаг давался с трудом, и он уже начинал уставать, хотя прошли они всего ничего.

— Э-э-э... Вроде 225, пятый, — Пашка покрутил головой по сторонам, высматривая нужную цифру, и, наконец, указал рукой куда-то вперёд. — А вот же он, я вижу.

Надо сказать, что эта процедура была одной из самых успокаивающих, и многие дети её даже любили, потому что ничего не болело и не было страшно — только ложишься на кушетку, оголяешь живот, и добрый дядька или тётка водят по тебе специальным датчиком, а на экране появляется какое-то серое месиво, и ты ничего не понимаешь, но смотришь и удивляешься, как это всё внутри тебя помещается и работает. Паша и Артём в тот момент, когда им водили по животам прохладным устройством, смотрели в потолок с брезгливостью и думали о чём-то своём — кто о видеоиграх, кто о комиксах, а кто просто о том, когда же это всё закончится и можно будет пойти в палату и лечь, наконец, отдохнуть. Пашка, скорее всего, думал о динозаврах и древних людях — очень уж ему нравилось в голове у себя придумывать различные истории о том далёком времени, когда по земле ходили огромные ящеры и люди жили в пещерах и охотились с копьями. Действительно, раздолья для фантазий там было много, особенно когда мало знаешь информации, и можно додумывать всё, что угодно, не боясь ошибиться, потому что никто всё равно не знает, как оно было на самом деле.

Спустя полчаса оба мальчика были свободны, вернулись в свою палату и запили белые таблетки утренняя, уже совсем холодным компотом. Но всё равно он был вкусным и даже немного освежал в этот летний солнцепёк. Однако умиротворения морального Артём не ощутил, а наоборот, тревога его только усилилась, потому что Лизу он так и не увидел, а время клонилось к полудню, но девочка ещё нигде не мелькала, только с утра, перед сдачей анализов, когда они пересеклись в коридоре. Надо сказать, что и тогда Артём уже отметил про себя, что Лиза была какой-то бледной, даже не просто бледной, а серой, что ли, и губы у неё были белые, и глаза — мутные и уставшие, будто она не спала всю ночь, хотя она уверяла, что всё в порядке.

— Что-то Лизу не видать, — выдохнул Артём, уставившись в потолок, где медленно проплывали тени от облаков, и от этого зрелища становилось немного легче, но совсем чуть-чуть.

— Наверное, занята уроками или просто спит, — равнодушно ответил Пашка, уткнувшись в портативную приставку, из которой доносились привычные звуки стрельбы и взрывов.

— Я схожу к ней... Проведаю.

Артём всё же застал Лизу, когда та лежала на своей койке, завернутая в одеяло с головой, и только макушка с растрёпанными волосами торчала наружу. Её кожа была бледной, очень бледной, а глаза, когда она приоткрыла их, были мутными и слезились, будто она долго плакала или у неё была температура, или и то и другое вместе. Мальчик даже не сразу осмелился переступить порог, так страшно ему стало от одного вида своей подруги, которая всегда была бодрой и весёлой, а теперь лежала и смотрела в никуда остановившимся взглядом.

— Ты чего стоишь? — спросила Лиза звонким голосом, и Артём удивился, потому что по голосу нельзя было сказать, что она больна, — он был таким же звонким и живым, каким был всегда, и это немного успокоило мальчика, хотя тревога никуда не делась.

— Я думал, ты спишь, — ответил Артём, делая шаг вперёд и чувствуя, как под ногами скрипит старый линолеум, который помнил, наверное, ещё тех пациентов, что лежали здесь много лет назад.

— Куда прёшься? — раздался неприятный, скрипучий голос Зинаиды Ивановны, которая сидела на своей кровати и смотрела на Артёма мутными, недобрыми глазами. — Видишь, девчонка болеет. Я говорила, что надо сидеть в палате и таблетки пить, а не шляться по вечерам где попало. А теперь чего? Молиться только остаётся, потому что врачи тут не помогают, а только вредят.

— Ну ба, чего ты ерунду говоришь, — Лиза попыталась приподняться на подушке, но сил, видимо, не хватило, и она снова упала на спину, тяжело дыша. — Просто слегка простыла, ветром подуло. Мне уже лучше, правда, лучше. — По голосу действительно было слышно, что она бодрa, но её лицо и глаза говорили об обратном, и это было так странно и пугающе, что Артём не знал, чему верить — голосу или тому, что он видит.

— Чего пойдём вечером гулять? — спросила Лиза, и в её глазах загорелся какой-то огонёк, тот самый, который всегда загорался, когда она придумывала очередное приключение или когда её звали за чем-то новым и интересным.

Артём несмело кивнул, хотя знал, что Лиза никуда не пойдёт сегодня и завтра, может быть, тоже не пойдёт, и что бабушка права — надо лежать и пить таблетки, и не думать о мороженом.

— Помереть хочешь, видать, — продолжала бубнить старушка, поправляя свой чёрный балахон. — Правильно, зачем бабку слушать, она старая и глупая, ничего не понимает. Меня тогда тоже никто не слушал, когда я говорила — не ходи туда, не делай этого, береги себя. А теперь вот сижу здесь, а муж в могиле, и дочка, и... — она не договорила, и её голос сорвался на какой-то всхлип, который она тут же подавила и замолчала, уставившись в одну точку, куда-то в угол, где было темно и сыро, и куда никто никогда не смотрел, потому что там не было ничего интересного.

Лиза тактично промолчала, не стала вступать в дебаты с бабушкой, ибо уже привыкла к её ворчанию и знала, что это просто горе говорит её устами, а не злоба, и что лучше промолчать, чем ответить и сделать только хуже.

— Я посплю немного ещё, — сказала девочка, закрывая глаза, — а вечером зайду к вам тогда. Хочется всё же мороженого того поесть, если Коля не наврал, конечно. А если наврал, то я сама ему устрою, не переживайте.

Честно признаться, Артём, глядя на Лизу, уже забыл про мороженое — слишком уж грустно ему стало от всего этого утра, от анализов, от бледного лица подруги и от её бодрого голоса, который так не вязался с тем, что он видел.

Мальчик не стал отнимать время и силы у подруги, понимая, что сейчас ей нужнее всего покой и тишина, а не его глупые вопросы и предложения погулять. Он молча развернулся, так же тихо вышел из палаты, стараясь не скрипеть дверью, и побрёл обратно, шаркая тапочками по скользкому полу и чувствуя, как ноет каждая косточка в его больном теле.

Вернувшись к себе, он заполз на скрипучую кровать и замер, уставившись в потолок, который был белым-белым, с едва заметными трещинами, и эти трещины складывались в какие-то замысловатые узоры, похожие то на лица, то на зверей, то на неведомые буквы из другого алфавита. И глядя на эти трещины, Артём думал о том, что, наверное, нет в этом мире ничего страшнее, чем смотреть, как твой друг болеет, и ничего не можешь сделать, только сидеть и ждать, когда ему станет лучше или хуже.

— Нашёл её? — пробубнил Пашка сонным голосом, даже не открывая глаз и продолжая сжимать в руке портативную приставку, из которой уже не доносилось ни звука — видимо, батарейки сели или игра кончилась.

— Нашёл, — тихо ответил Артём.

Глава 4

Лиза вошла в палату уже после ужина, когда солнце за окном давно село и в коридорах зажглись тусклые лампы, дававшие больше тени, чем света, и от этого всё вокруг казалось каким-то призрачным и ненастоящим. Артём бросил на неё взволнованный взгляд и сразу отметил для себя, что девочка бледна, даже бледнее, чем была утром, и слегка потрясывается, будто ей холодно, хотя в палате было душно и жарко.

— Ты как? — первым в диалог вступил Паша, который обычно любил помалкивать и влезал в разговоры только тогда, когда считал это необходимым, но сейчас даже он, вечно недовольный и грубоватый, почувствовал неладное и забеспокоился, и это беспокойство проступило в его голосе, хотя он старался говорить как обычно — отрывисто и без лишних эмоций.

— Нормально, просто простудилась, — девочка ответила тихо, почти шёпотом, поправляя медицинскую маску на лице, которая съехала набок, и под ней было видно бледные, почти белые губы и острый подбородок, который стал ещё острее за последние дни, потому что Лиза почти ничего не ела, хотя и не жаловалась. — Ну что? Пойдём?

— Ты уверена, что тебе можно идти? — Артём начал сползать с кровати, опираясь на немного искривлённые пальцы. — Может, лучше останешься? Отдохнёшь, поспишь, сил наберёшься. Мороженое куда не денется, даже если оно существует.

— Да нормально всё со мной, — Лиза попыталась улыбнуться, но улыбка получилась слабой и какой-то виноватой, и Артём сразу понял, что она врёт, что на самом деле ей плохо, просто она не хочет их расстраивать и портить всем вечер. — Бабушка больше пугает, чем на самом деле болит. Она всегда так — чуть что, сразу в панику, а на деле просто температура и всё. Тем более, вы что, хотите одни это фантастическое мороженое съесть без меня? Нечестно будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.